

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**д.и.н. С.Б. Криха на диссертацию Матвея Евгеньевича Яковлева
«Диссертационная культура в работах российских историков (2014-2020
гг.)», представленную на соискание учёной степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.5 – «Историография,
источниковедение и методы исторического исследования»**

Диссертация, написанная о диссертациях, в некотором роде может считаться апофеозом науковедения, и поэтому тема диссертационной культуры, да ещё и применительно к современному периоду, поднятая в исследовании М.Е. Яковлева, уже сама по себе может вызвать как повышенный интерес, так и априорный критицизм. Ознакомление с текстом работы, на наш взгляд, способно избавить читателя от необоснованной критики: перед нами продуманное, почти всегда аккуратно исполненное с методической точки зрения, хорошо структурированное исследование, одной из неочевидных положительных сторон которого является то, что автор не только даёт возможность следить за развитием собственной мысли, но иногда предвидит и развитие мысли своих читателей, в нужных моментах давая те уточнения, которые как раз становятся актуальными при чтении очередного параграфа, или вступая в превентивную дискуссию с теми возражениями, которые могут возникнуть при очередном рассуждении. Отчасти такой характер ведения как бы заочного диалога связан с тем, что историография темы практически отсутствует ввиду её новизны, а само исследование отталкивается от понятия «диссертационная культура», сформулированного в основном усилиями челябинской школы, на которые Матвей Евгеньевич опирается, но с которыми по этой же самой причине не спорит (хотя иногда это могло бы оказаться полезным и для диссертанта, и для развития науки).

Обзор историографии в значительной степени представляет собой изложение достижений предшественников автора в вопросе изучения диссертационной культуры, но это изложение не критическое, а скорее повествовательное. Соответственно, из этого очерка читатель больше узнает

об истории диссертаций и учёных степеней, чем об уровне изученности этой темы в историографии. Нам кажется, что очерк этот, тем не менее, полезен, но значительная его часть (не-аналитическая) могла бы располагаться и за пределами введения. Впрочем, вывод (С. 32), согласно которому, при всём интересе к тематике, обобщающих исследований пока не было, не подлежит сомнению.

То, что было сказано выше о новизне диссертационного исследования М.Е. Яковлева, можно ровно с тем же основанием повторить и касательно его практической значимости – пункт, который часто вызывает оторопь у защищающихся в момент завершения текста диссертации и автореферата, может быть зачтён для данной работы безо всяких сомнений. Достаточно сказать, что автор этих строк в процессе чтения диссертации уже получил и несколько идей, и ряд конкретных примеров, которые сможет использовать в своей преподавательской деятельности. В этом отношении перед нами также необычная работа, причём опять в позитивном ключе.

Нет необходимости перечислять здесь все аналитические достижения исследования, укажем только, что почти в каждом крупном параграфе (по диссертациям об истории церкви, об истории образования, если речь идёт о первой главе, в 4–8 параграфах второй главы) достигнуто по-своему гармоничное сочетание сухого анализа фактической стороны дела и нередко увлечённого рассуждения, в котором делаются сопоставления, выводы и оценки. Выводы о превалировании регионоведческой тематики в диссертациях по отечественной истории, о скрытом, но уже очень фрагментированном влиянии методологии советского марксизма, о преобладании римской тематики в исследованиях древней истории – эти и подобные наблюдения бесспорно показывают нам, как многого смог добиться М.Е. Яковлев, последовательно применяя свою методику.

Пожалуй, с оговоркой следует записать в положительную сторону работы и то, что в ней даётся частичный анализ ряда диссертационных исследований из источниковой базы, в основном проведенный через чтение введений и

заклучений в этих работах, хотя иногда выходящий за эти пределы. Наша оговорка сводится здесь к тому, что этот способ анализа автором специально не объяснён, хотя его было бы правильно оформить и вербализовать при описании методики исследования. Конечно, этот метод вызывает очевидные возражения в том, что Матвей Евгеньевич смотрит на работы под специфическим углом, но их вполне можно отвести как ссылкой на невозможность прочитать два миллиона листов взятого для анализа корпуса текстов, так и более теоретической ссылкой на то, что именно вводные и заключительные части текстов в принципе более подходят для сопоставления, поскольку наиболее стремятся к унификации. Соответственно, приём этот валидный, но недостаточно обоснованный.

Часто говорят, что недостатки исследования являются продолжением его достоинств, но ещё чаще этот риторический приём используется лишь для того, чтобы сгладить впечатление слушателей от критических замечаний. В случае же с диссертацией М.Е. Яковлева, действительно, многие (не все) недочёты являются не недосмотрами в буквальном смысле слова, а прежде всего шагом в исследовании малоизвестной темы, и последующим исследователям будет легче сделать другие шаги ровно в продолжении того, что было получено благодаря опыту Матвея Евгеньевича. Именно поэтому оппонирование такой работы представляет собой некоторый парадокс: её было интересно читать, но ненадёжно рецензировать. Поэтому наши возражения некоторым авторским построениям и формулировкам носят скорее характер предположений – мы не всегда знаем точно, что предлагаем более корректные формулировки и более эффективные методы, но надеемся, что само обсуждение этих возможностей даст защите диссертации академическую направленность, при которой важно не только выяснить, достоин ли её автор искомой степени, но и то, какую пользу получит научная дисциплина от его труда.

Первый момент, на который стоит обратить внимание, характеризуя данную работу – она в значительной степени кулуарная, замкнутая на

собственной теме и периоде. Мы уже говорили, что это до некоторой степени обусловлено её новаторским характером, а сейчас можем сразу же уточнить, что степень этой замкнутости не стоит преувеличивать – иногда автор обращается и к данным за пределами 2014–2020 гг. (например, С. 46). Но это не единственный способ, которым это можно было бы сделать. Прежде всего, исследование посвящено только докторским диссертациям и игнорирует кандидатские. К самому такому сужению темы у нас возражений нет – в противном случае, чтобы справиться с обилием материала, автору пришлось бы, например, уменьшить временной период лет до двух, что навлекло бы на него ещё больший шквал критики. Но есть возражения другого рода: а) в обосновании обращения к докторским диссертациям использована ссылка на П. Бурдьё (С. 6), который мыслил параметрами другой системы научных степеней, и поэтому по факту перед нами смысловая манипуляция, да ещё и легко раскрываемая; б) *частичное* обращение к базе кандидатских диссертаций позволило бы автору подкреплять или опровергать многие из его тезисов.

Второе возражение кажется важным проиллюстрировать рядом конкретных примеров из текста. Обратимся к С. 45, на которой идёт речь о защите докторских диссертаций женщинами. Тут очень хорошо видно, насколько грубым инструментом оказываются подсчёты в процентах, ведь 21 женщина из 50-ти, защитившихся в 2015 г., это формально 42%, но каждая диссертация «весит» целых 2%, что делает любое колебание весьма заметным при пересчёте на проценты. Пик «женских» защит в 2016-м г. – это 21 защита, а «антирекорд», как пишет сам автор, в 2018-м – это 15, что в пересчёте в проценты даёт разницу в 15%, а в реальности это лишь 6 защит. Конечно, это не означает, что тенденция обозначена неверно, но ведь доктора получают из кандидатов (конечно, с временным лагом), а поскольку корпус кандидатских диссертаций остаётся огромным белым пятном (или чёрной дырой), то без понимания того, что происходит там, дешифровка процессов с защитой докторских может быть слишком гипотетической. Уменьшается ли процент

женщин, защитивших кандидатскую после докторской, по сравнению с тем же соотношением у мужчин?.. Точно так же на С. 48–49, где сравнивается доля докторских диссертаций по отечественной истории с диссертациями по всеобщей, было бы предельно интересно знать, насколько эта ситуация коррелирует с защитами кандидатских.

Другой приём, который мог бы сделать работу более контекстуальной – анализ интервью. Проверить некоторые свои догадки автор мог бы либо обратившись к уже опубликованным интервью, либо буквально спросив у нескольких диссертантов. Мы вовсе не призываем к тому, чтобы автор исследования сделал бы на этом акцент – в таком случае объём информации мог бы стать элементарно неподъёмным, но в качестве дополнительных приёмов несколько подобных проверочных действий могли бы добавить диссертации надёжности в её выводах.

Зато при анализе текстов диссертаций, особенно методологических разделов, М.Е. Яковлев работает практически безупречно, внимательно рассматривая диссертации, разделённые им по тематическим блокам; это одновременно делает исследование и логично организованным, и практически применимым; можно было бы оспаривать некоторые принципы разнесения работ по тематике, но очевидно, что создать безупречную схему, под которую подходили бы все три сотни докторских, нельзя, а те блоки, которые предлагает Матвей Евгеньевич, логичны и соотносятся с тем, как в исторической науке принято определять тематику научной работы.

Конечно, невозможность всеохватного текстуального анализа более чем 300 диссертаций, совокупный объём которых составляет более двухсот миллионов знаков и под шесть тысяч печатных листов, предопределяет и то, что М.Е. часто не может при определении теоретико-методологических установок авторов двинуться дальше введений в их работах, в которых ожидаемо много декларативных заявлений. Именно поэтому он признаёт, что если в анализируемой работе встречаются ссылки на взаимоисключающие теоретические подходы, то он может зафиксировать только их «влияние» (С.

191). С другой стороны, добавим в оправдание диссертанта, заявления в стиле «а на самом деле в основном тексте работы заметно влияние только М. Фуко», были бы очень рискованными и требовали бы раз за разом столь подробной аргументации, что она бы полностью потопила диссертационное исследование в деталях. Таким образом, ещё одной важной (и положительной) стороной оппонируемой диссертации является то, что она использует логичные методы анализа материала, которые одновременно раскрывают перед нами пределы своих возможностей, что, в свою очередь, ставит задачу формирования в будущем более гибкой методологии.

Выборочное обращение к тексту работ целиком, проведённое на примере увлекательно написанного сопоставления тематически пересекающихся работ С.А. Васютина и Г.Г. Пикова, следует признать творческой удачей М.Е. Яковлева, притом, что нам трудно признать отнесение одного из авторов к «материалистам», а второго к «идеалистам» (этого вопроса коснёмся ниже). Нельзя полностью согласиться и с выводом, что методология авторов важнее, чем использованные ими источники (С. 171) – в частности, как мы могли понять, С.А. Васютин использовал источники по истории Ляо только в переводах (см. С. 9 его автореферата, то же и в тексте докторской), а Г.Г. Пиков (см. С. 7 автореферата его докторской, список источников в тексте докторской) – в том числе в оригинале; уже это не даёт возможности заявить без оговорок, что оба учёных пользовались *одной* источниковой базой.

Систематическая оценка теоретико-методологических разделов в докторских диссертациях, которую проводит М.Е. Яковлев, не содержит важного уточнения, которое либо кажется автору очевидным, либо не оценивается им как принципиальное: того, что «ритуальные» слова о методах обычно вызваны осознаваемым или подспудным давлением научного обычая (хотя на С. 232 говорится в общих словах о существующей диссертационной культуре). Диссертация по-прежнему выступает в нашей стране как род квалификационного сочинения, поэтому в ней меньше доля свободного творчества, чем в статьях или монографиях, выше желание сделать «как

правильно» и – особенно во введении – выше доля коллективного творчества, направленного на выравнивание и усреднение текста. Научный консультант, коллеги, эксперты дают диссертанту нередко взаимоисключающие советы на тему того, как улучшить его текст, что если не порождает, то усиливает эклектичность методологии и общую банальность изложения. В этом отношении обращение хотя бы к нескольким ранним версиям докторских диссертаций в том виде, в каком они впервые были поданы, например, на обсуждение на кафедре, могло бы дать почву для более фундированных суждений на этот счёт. Но в любом случае, отсутствие ремарки о том, через какие переделки проходит вводная часть диссертации, искажает восприятие сути дела.

Признавая высокое качество исследования, мы не будем выдвигать серьёзные претензии к тем моментам, которые, вызывая некоторые сомнения, не влияют на общие идеи и общее понимание проблемы. Так, предмет исследования кажется нам сформулированным на С. 7 так, что он выглядит скорее механической частью объекта исследования, заявленного там же. В определении принципа историзма (С. 32–33) автор дважды использует прилагательное, производное от слова «история», т.е. определение плавно скользит к тавтологии, что особенно пикантно, если учитывать, как глубоко и строго на протяжении работы Матвей Евгеньевич оценивает определение историзма в других диссертациях. Но это, повторим, моменты по сути – вторичные.

Точно так же нам не кажется уместным придирчиво обсуждать то, насколько обоснованы категории, о чём мы писали ранее. Конечно, мы можем заметить, что выделение в категории древнего мира двух диссертаций по истории древнего Востока до некоторой степени неточно – посвящённые древней Армении и древней Парфии, они просятся быть определёнными скорее как работы по эллинизму, но на это можно ведь и возразить, что Арчил Савелич Балахванцев, к примеру, работает в Институте Востоковедения РАН. Гораздо важнее, что категории, выделенные М.Е. Яковлевым, позволяют ему

получать сопоставимую информацию, и это вполне оправдывает их использование.

Серьёзное, методологическое возражение к содержанию работы мы можем выдвинуть только одно, оно сформировалось при чтении выводов, сделанных в конце второй главы. Начинается оно, в общем-то, с частного случая неточности: на наш взгляд, сравнение, проведённое на С. 239–240 с советской историографией – аналитическое, но при этом и умозрительное – по-настоящему хорошо работало бы, если бы за сопоставимый период мы могли посмотреть на докторские диссертации, защищённые на территории РСФСР (не будем забывать, что нынешняя Россия не равна Советскому Союзу по территории, по составу населения); в кандидатской диссертации, посвящённой вопросу, в котором большую роль играет именно технология защиты, тем более недостаточны объяснения исключительно через разницу методологий. Само собой, всё вышесказанное не отвергает того, что было написано Матвеем Евгеньевичем при сравнении двух историографических периодов, но дело в том, что в этих его соображениях не только много правды, но и мало открытий, а тема, которую выбрал диссертант, способна открывать новые ракурсы.

Принципиальная же часть нашего возражения связана не с тем, что в этом разделе автор не открывает новые ракурсы, а с тем, что он (признаем, неожиданно) возрождает старые: один его основных выводов заключается в том, что в теоретических установках современных докторантов кристаллизуются два течения – материалистическое и идеалистическое. Соответственно, в итоге своих рассуждений сам Матвей Евгеньевич оказывается «последним советским марксистом» – по крайней мере, если исходить из методологического осмысления той характеристики, которую он даёт, обобщая всё разнообразие теорий тех авторов диссертаций, кого он назвал «сторонниками культурного детерминизма» (С. 241). Вот эта характеристика: «Фактически, это исторический идеализм – говоря марксистскими терминами, попытка найти главные причины исторических

изменений в области надстройки, а не базиса» (С. 241–242, парафраз на С. 251).

Обратите внимание на вводное слово «фактически»: согласно нему оказывается, что если учёному нужно сказать, как обстоит дело на самом деле, без всех этих современных глупостей, то он должен обратиться к ленинской терминологии. Позволит ли Матвей Евгеньевич в таком случае обратиться к себе тот же упрёк, что он высказывал некоторым авторам анализируемых им сочинений: если для него до сих пор актуально деление философии на идеализм и материализм, то отчего бы ему не выразить приверженность лежащему за этим подходом в собственном введении к работе? Ведь никакого другого подхода лежать за таким делением не может. Если же само это деление архаично, а автор его всерьёз не разделяет, то какой смысл применять его для науковедческого анализа современных диссертаций? Подозреваем, что сделано это было в полемическом порыве, вызванном желанием доказать, что разнообразные теории действительно можно объединить под графу «культурного детерминизма», но, на наш взгляд, таким полемическим приёмом легитимность вывода была скорее подорвана, чем усилена.

Соответственно, вывод автора, что «идеалисты» уже определились с методологией, а вот у «материалистов» она пока формируется (после кризиса конца XX в.) – *оригинальный*, но сомнительный, причём это видно по самой же работе и по тому, что для обоснования единства «идеалистов» приведён указанный выше негодный аргумент: раз их мог бы подвести под единый знаменатель советский учёный (который, в отличие от Матвея Евгеньевича, прекрасно знал, что занимается манипуляцией), значит, они и в самом деле едины. Почему же мы думаем, что перед нами скорее методологический сбой, чем скрытый марксизм? Потому что выше в своей же работе Матвей Евгеньевич говорил куда более логичные вещи: имагология, семиотика, эриксоновская психоистория совсем не идентичны, в отдельных аспектах противоречивы, и если докторант хватается сразу за всё, то должно вызвать у читателя скорее оторопь, чем решение уверенно отнести такого докторанта к

